

УДК 34.047
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_66

Уфимцев Антон Дмитриевич
anufimcev04@gmail.com
Студент Института государственного
и международного права Уральского государственного
юридического университета имени В. Ф. Яковлева

Научный руководитель:
Сергеев Данил Назипович
Доцент кафедры уголовного права
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева, кандидат
юридических наук

Городское самоуправление горного города Екатеринбург

Уфимцев А. Д. / Городское самоуправление горного
города Екатеринбург // Уральский журнал правовых
исследований. 2023. № 3. С. 66–76. DOI
10.34076/2658_512X_2023_3_66

Аннотация:

Автор рассматривает особенности и противоречия развития городского общественного управления города Екатеринбург в период с 1807 по 1851 год, в условиях, активно реализующегося Проекта горного положения 1806 года. Именно на основании данного нормативно-правового акта город получил статус горного города, став по сути единственным в истории России. Фактически это означало разделение города между двумя параллельными системами – горной (власть принадлежала горным начальникам под непосредственным надзором Горного ведомства, Министерства финансов и Императора) и гражданской (системой органов городского самоуправления, образованной по принципу разделения властей. Основная часть органов и должностей были введены согласно Жалованной грамоте городам 1785 года, однако всё ещё сохранялся городской магистрат. Местное самоуправление подчинялось Губернской Думе и Министерству внутренних дел, а власть в выборных органах принадлежала купцам). Изначально, горные власти не должны были вмешиваться или как либо пересекаться с властями гражданскими из-за разных сфер деятельности. Но ситуация менялась очень быстро. Процесс усиления горных властей неизбежно влиял на существующие органы местного самоуправления, постепенно подавляя и подчиняя их. И тем не менее, на протяжении полу века, на первый взгляд несовместимые системы, весьма успешно функционировали в условиях постоянной борьбы и недостаточности нормативного регулирования. И именно особенности существования этих систем являются предметом исследования данной статьи. Автор ставит своей целью через призму управления и самоуправления изучить правовой статус горного города, который нельзя ограничивать лишь написанным и закрепленным в имперском законодательстве.

Ключевые слова:

горный город, местное самоуправление, правовой статус, горное управление, история Екатеринбурга.

УДК 34.047
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_66

Anton D. Ufimtsev
anufimcev04@gmail.com
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of State and International Law, Student

Academic Supervisor:
Danil N. Sergeev
Assistant professor of Criminal Law department
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
candidate of Juridical Sciences

Local Self-Government of the Mountain City Yekaterinburg

Anton D. Ufimtsev / Local self-government of the
mountain city Yekaterinburg // Ural Journal of Legal
Studies. 2023. No. 3. P. 66–76. DOI
10.34076/2658_512X_2023_3_66

Abstract:

The author examines the features and contradictions of the development of the city public administration of the city of Yekaterinburg in the period from 1807 to 1851, in the conditions of the actively implemented Project of the mining situation of 1806. It was on the basis of this regulatory legal act that the city received the status of a mountain city, becoming in fact the only one in the history of Russia. In fact, this meant the division of the city between two parallel systems – mining (the power belonged to the mining chiefs under the direct supervision of the Mining Department, the Ministry of Finance and the Emperor) and civil (the system of city self-government bodies formed on the principle of separation of powers. The main part of the bodies and posts were introduced according to the Charter of the cities of 1785, but the city magistrate was still preserved. Local self-government was subordinate to the Provincial Duma and the Ministry of Internal Affairs, and power in elected bodies belonged to merchants). Initially, the mining authorities should not have interfered or somehow intersected with the civil authorities because of different spheres of activity. But the situation was changing very quickly. The process of strengthening the mountain authorities inevitably influenced the existing local self-government bodies, gradually suppressing and subordinating them. And yet, for half a century, two seemingly incompatible systems have been functioning very successfully in conditions of constant struggle and insufficient regulatory regulation. And it is the features of the coexistence of these systems that are the subject of the study of this article. The author aims to study the legal status of a mountain city through the prism of governance and self-government, which cannot be limited only to what is written and enshrined in imperial legislation.

Keywords:

mountain city, local self-government, legal status, mining management, history of Yekaterinburg.

Екатеринбург является старейшим центром горнозаводского Урала. Несмотря на то, что сейчас Екатеринбург один из крупнейших городов современной России и его история изучается специалистами уже очень давно, мало кто знает, что административный центр Свердловской области начинал свой жизненный путь как горный город.

Существует довольно много исторических исследований данной вехи жизни Екатеринбурга. При этом почти не найти правовых исследований, которые бы определили правовой статус горного города, горных начальников, местного самоуправления и т. д. в правовой системе Российской империи. Данная работа направлена именно на выявление особенностей функционирования органов самоуправления в условиях горного города.

Впервые термин «горный город» применен к Екатеринбургу в 1734 году в «Проекте Горного устава» В. Н. Татищева. В статье 34 составители прямо называют Екатеринбург горным городом в контексте взаимодействия органов управления (гражданских и горных) и самоуправления [1, с. 10]. Однако не совсем корректно отсчитывать историю Екатеринбурга как горного города с этого момента по нескольким причинам. Во-первых, устав так и не был утвержден императрицей и не вступил в законную силу. Во-вторых, в «Инструкции действительному статскому советнику Татищеву, посланному в Сибирскую и Казанскую губернии для смотрения за прежними горными заводами и для учреждения новых» от 1734 года также упоминается Екатеринбург, но нет никакого указания на его особый статус¹. Это указывает на то, что законодатель либо не собирался присваивать данный статус Екатеринбургу, либо на то, что особый статус придавался непосредственно заводам и рудникам, но не городу в целом. Учитывая, что Устав действовал негласно на протяжении довольно долгого промежутка времени и имел довольно большое количество вариаций [2, с. 1], то многие города условно назывались «горными», что не имело отражения в законодательстве и было скорее правоприменительным обычаем, который и создавал некоторые особенности правового статуса. Однако следует понимать, что даже такой условный статус использовался лишь для обозначения особенностей во внешнем взаимоотношении заводов и рудников города с городской и губернской администрацией [3, с. 209-250].

В конце XVIII века по «Учреждению для управления губерний Российской империи» была учреждена Пермская губерния с разделением её на две области — Пермскую и Екатеринбургскую, а Екатеринбург при этом получил статус уездного и областного города².

Стоит отметить, что статус горного города был обусловлен вовсе не особенностями рельефа и местоположения, как может показаться современному человеку, а приоритетом горной власти над гражданской администрацией и местным самоуправлением. Под горной властью в данном контексте следует понимать горное ведомство — особый полу военный орган, созданный для управления рудниками, заводами и промышленностью, периодически менявший свое наименование.

Вплоть до 1806 года издавались нормативные акты, которые подчеркивали приоритет горной власти на Урале (например, «Инструкция по управлению за-

1 «Инструкция действительному статскому советнику Татищеву, посланному в Сибирскую и Казанскую губернии для смотрения за прежними горными заводами и для учреждения новых», ПСЗРИ № 6559 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

2 «Учреждение для управления губерний Российской империи», ПСЗРИ 14.392 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

водами»), но решающим документом в этой сфере стал Проект Горного положения от 1806 года³ (далее ПГП).

После утверждения Александром I ПГП в Перми было учреждено Горноеправление, а на генерал-губернатора были возложены главный надзор и наблюдение за ходом горнозаводских дел. Вероятно, правительство фактически уже считало Екатеринбург полноценным горным городом, но никаких специальных распоряжений не поступало. Лишь 23 марта 1807 года пермско-вятский генерал-губернатор К. Ф. Модерах, руководствуясь ст. 723 ПГП, издал представление о присвоении Екатеринбургу соответствующего статуса. Через некоторое время был получен ответ из столицы — Император издал указ, в котором «предлагал» губернскому правлению присвоить статус соответствующий Екатеринбургу [1, с. 15-17].

28 марта Пермское губернскоеправление вынесло соответствующее постановление, в котором также предлагало Екатеринбургу подчиниться власти Горного начальника [1, с. 17].

Решение губернскогоправления было направлено Начальнику екатеринбургских заводов для немедленного исполнения, к документу было приложено письмо Модераха, в котором он предписывал Горному начальнику обратить особое внимание на организацию полиции [1, с. 17-18].

Уже 8 апреля 1807 г. вопрос о подчинении города горному начальству обсуждался на заседании Екатеринбургской Городской Думы [4, с. 682]. В журнале Думы было записано: «От 28-го числа минувшего марта за №: 8617 с прописанием предложения высокопревосходительства г. Пермского и Вятского генерал-губернатора и кавалера относительно до открытия Горногоправления с 1-го числа сего апреля, на поступление здешнего города в управление пребывающего здешних заводов Горного начальника, приказали о получении губернскомуправлению отрапортовать и к надлежащему по силе оного впредь выполнению приобщить к прочим в собрание» [1, с. 18]. Екатеринбург официально получил статус горного города, став единственнымполноправным горным городом в истории России.

С этого времени начинается новый своеобразный период в истории Екатеринбурга — период его подчинения одновременно двум ведомствам — горному и гражданскому.

Реформирование горной системы в общих чертах заключалось в следующем. Для более эффективного управления горными делами было решено основать пять горных округов. Центром каждого должен был стать горный город (ст. 13 ПГП): Екатеринбург, Кушва, Богословск, Юг, Ис. Однако данная идея реализована не была — статус горного города обрёл только Екатеринбург.

Ключевой фигурой в новом правовом устройстве города (а также всего горного округа) стал Горный начальник. Данная должность была учреждена для внутреннего управления внутри горных городов и округов (ст. 4 ПГП). Их количество было определено количеством горных округов [5, с. 26].

Согласно ПГП Горные начальники становились полноправными «хозяевами» горных округов и городов. Подотчетны они были лишь Горному Правлению в Перми, в которое ежегодно обязаны были передавать отчеты (ст. 5 ПГП). Согласно ст. 12 ПГП ни одно лицо, кроме Генерал-губернатора, берг-инспектора, Горногоправления, Горных начальников и иных «горных» чиновников не могло вмешиваться в дела горные. При этом никто кроме Горного начальника не мог

3 «Проект Горного положения», ПСЗРИ 22.208 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

приказывать или управлять делами в горном городе и округе, указанные выше лица могли приказать что-либо (но не всё) непосредственно Горному начальнику, но никак не горным служащим напрямую.

Горным начальникам была подчинена Горная полиция (ст. 18 ПГП). Это ещё одна особенность горного города и горных округов. «Селения при Заводах, Рудниках и Пристанях казенных и частных людей, и вообще селения принадлежащие к Заводам, также Округи Заводов казенных исключаются из власти и управления Гражданского Начальства и подчиняются управлению Горной Полиции» (ст. 16 ПГП). Во главе Горной Полиции стоял полицмейстер (ст. 19 ПГП).

По тексту документа не раз встречаются параллели, прямо проводимые между Горным начальником и гражданским губернатором. В ст. 18 ПГП говорится, что Горная Полиция подчиняется Горному начальнику, как Гражданская полиция подчиняется Гражданскому губернатору; ст. 758 ПГП гласит, что Горный начальник «заступает место Губернатора по Городовому Положению и наблюдает за выполнением оного». По сути, это явный намек на равный статус Горного Начальника и Губернатора, который подтверждается обширнейшим объёмом полномочий Горного начальника.

ПГП положил начало новой специфической социальной стратификации. Отныне жители горных округов и городов делились на две категории.

Власти Горного начальника подчинены «все высшие и нижние Чины Горные, Военные, Статские, Медицинские, все художники, все мастеровые и рабочие люди, состоящие на службе на Заводах, Рудниках и других местах, от них зависящих» (ст. 361 ПГП). Вторая группа описывается ст. 725, гласящей, что если общество купцов, мещан и посадских увеличится так, что в состоянии будет содержать Ратушу или Магистрат, то по представлению Горного Начальника Генерал-Губернатору, а далее через Горное Правление открываются данные учреждения (после этого следует доклад Горного Правления Правительствующему Сенату, Министрам Юстиции, Внутренних дел и Финансов) [6, с. 91-96].

Таким образом, складывались две довольно крупные социальные группы: «горные» люди, подчиненные власти Горного начальника, и «гражданские», подчиненные губернской администрации и имеющие право на самоуправление. А вместе с группами сформировались и две параллельные системы управления: горная, основанная на ПГП, и городское общественное управление, базирующееся на Жалованной грамоте городам⁴ (1785) и Учреждении для управления губерниями⁵ (1775).

Для горных людей были предусмотрены существенные социальные гарантии, а обязанность по их реализации возлагалась на Горного Начальника. Для них создавалась своя собственная социальная инфраструктура, чем-то напоминающая её аналог из Жалованной грамоты городам. Каждое учреждение в рамках ПГП так или иначе имеет аналогичный институт в Жалованной грамоте городам [7, с. 18-33].

Богодельни (глава IX ПГП). На Горного начальника возлагалась прямая обязанность по учреждению Богоделен при каждом Заводе. Все «бедные и неимущие, принадлежащие к Заводским селениям», вне зависимости от их состояния и звания, престарелые,увечные, не способные работать, не имеющих пристанище в домах частных людей, «имеют право» быть помещены в Богодельни. Богодель-

4 «Жалованная грамота городам», ПСЗРИ 16.189 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

5 «Учреждение для управления губерний Российской империи», ПСЗРИ 14.392 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

ни также заботились о малолетних сиротах. Дети мужского пола воспитанные в Богодельнях направлялись Горным начальником на Горную службу. В Богодельнях людям давали работу, которая была им по силам, например, рукоделие [8, с. 110-120]. Интересный факт, что никто кроме Горного начальника не мог изменить суммы финансирования данных учреждений: ни Заводской Управитель, ни Смотритель Богодельни. Финансирувалась Богодельня за счёт специальных сборов с горных людей, а также из заводской казны, если собранных сумм будет недостаточно.

Горный Госпиталь (глава XII ПГП). ПГП описывает систему госпиталей и медицинских чинов. По положению госпитали стали неотъемлемой частью заводов. Любой завод или селение при Рудниках, имеющее более 200 человек команды (горных людей) должны были иметь госпиталь. Каждый служащий при Заводах, любого состояния и звания имели право посетить госпиталь. При этом если лекарь посчитает нужным, то они обязаны были остаться в заведении до выздоровления (кроме классных чинов, которые могли оставаться дома). На медицинские чины возлагалась обязанность осматривать и навещать больных в госпиталях и их домах так часто, как того требует ситуация.

Ст. 683 ПГП прямо говорит, что все заводские люди и их семьи пользуются лекарствами «безденежно». Более того, следующие статьи говорят о бесплатном содержании в Госпитале (пища, одежда и др.). При этом половина жалования (за время их пребывания в Госпитале) удерживалось, а весь полагающийся провинт забирался, кроме того, который был рассчитан на их семьи. Интересно, что содержание больных и аптеки, основывались на военных нормативных актах (Штат о Полевых Полках и Положение для Полевых Аптек). Это четко показывает строгую структуру горной системы, которая по своей иерархии была очень похожа на военную организацию деятельности. Данная черта не раз проявится в ходе анализа правового статуса горного города.

Укомплектованность медицинского состава (чинов), назначение лекарей, контроль за надлежащим обеспечением госпиталей были в компетенции Горного начальника. Для исполнения своих функций Горный начальник наделялся рядом полномочий: например, выписывать медицинских чиновников «откуда и от кого следует», принимать на горную службу вольных медицинских чиновников, определять размер их жалованья, право послать с проверкой Доктора, Штаб-Лекаря или старшего Лекаря, состоящего при Главном Заводе, по горному округу, право перевода горных лекарей. При этом предоставлялась интересная социальная гарантия: Горный начальник формировал Формулярные списки о Медицинских чинах Министру Внутренних дел и рекомендовал их к повышению в классе согласно Положению о Медицинских Чинах.

Горные школы (глава VII “Л”). При Заводах учреждались горные школы. Именно образованию традиционно для Урала было уделено особое внимание [9, с. 92]. Урал уже давно считался одним из крупнейших поставщиков квалифицированных горнозаводских кадров для всей империи [10, с. 14-15], [11, с. 8]. Поэтому и ст. 529 ПГП гласит, что одна из главных обязанностей Горного начальника «стараться о воспитании детей» всех без исключения горных людей. Образование предполагало не только профессиональную подготовку будущих горных служащих, но и «образование сердца». Дети мужского пола всех состоящих на Горной службе без исключения обучались чтению, письму, арифметике, основам рисования и черчения, Закону Божиему и даже иностранным языкам [12, с. 3-7]. Их учили благонравию, долгу перед обществом, Государем, Правительством и ближнем, а также способствовали становлению детей «в должностях человека и гражданина» (ст. 534 ПГП). Наиболее способные ученики, даже дети мастеровых

и рабочих, обучались по более углублённым образовательным программам. Их готовили для занятий горных должностей, требующих гораздо больше знаний, умения работать с документами — управленческие должности. Дети классных чинов, а также самые способные дети из низших Чинов, и даже дети мастеровых и рабочих, по представлению Горного начальника направлялись генерал-губернатором в Горный корпус в Санкт-Петербурге. Особое внимание уделено действующим Горным и Статским Чинам, которые совмещали службу с обучением учащихся школ: были предусмотрены надбавки к жалованию.

Таким образом, в горном городе был создан реальный социальный лифт, который давал шанс детям обычных рабочих занять высокооплачиваемые должности. Государство получало высококвалифицированные кадры, а люди — шанс.

Однако же на практике всё было немного сложнее. Лишь единицы из простых людей смогли попасть на обучение в Горный Корпус. И уже к 1815 году перед горной системой встало проблема избытка квалифицированных кадров, которые не желали трудиться на обычных заводских должностях, а также не хватало финансирования, в том числе из-за военных конфликтов страны в начале XIX века. В таких условиях дети простых заводских людей чаще всего направлялись на заводские должности [13, с. 100-115]. Вследствие этого, деятельность горных школ сильно ограничивалась Горными начальниками — без внесения изменений в ПГП, но фактически. Было снижено финансирование, упразднены центральные школы, уменьшено количество школ в целом. Но даже не смотря на это, Урал всё ещё оставался кузницей высококвалифицированных кадров для всей России.

Но существовали и неблагоприятные для горных людей особенности устройства горного города. Одной из них стала уголовная юстиция — за любые уголовные преступления горные люди предавались Военному суду, исключение составили лишь медицинские чины (ст. 394 ПГП).

Как видно из краткого анализа, ПГП формировал особую замкнутую и самодостаточную систему городского устройства. Заводские люди не имели необходимости участвовать в городском самоуправлении и часто взаимодействовать с институтами стандартного городского самоуправления, образованными по Жалованной грамоте городам.

При этом следует сказать, что Городская Дума содержала аналогичные учреждения для «гражданских». Именно в этой сфере влияние губернской администрации было максимальным, поскольку она участвовала в финансировании и обладала правом ревизии бюджета.

Учитывая жесткость горной системы, кажется невероятным, что ПГП сохранил гарантии предоставленные горожанам Жалованной грамотой городам.

Как ранее упоминалось, в 1783 году Екатеринбург получает статус уездного и областного города. А в 1784 в Екатеринбурге появляется магистрат.

В 1785 году по Жалованной грамоте городам были образованы новые органы городского самоуправления. Система органов теперь состояла из Общественной Думы, Шестигласной Думы, сиротского суда. Екатеринбургская Городская Дума была открыта 12 ноября 1787 года, а ремесленное управление в 1790. При этом сохранился городовой магистрат, что можно назвать определенной преемственностью [4, с. 135-136].

В рамках данного исследования не имеет смысла углубляться в деятельность и особенности функционирования данных органов, поскольку основы их функционирования оставались едиными для всей России. Обратим внимание только на особую специфику, которая накладывалась на систему городского общественного управления статусом горного города.

По ПГП Горный начальник получил право утверждать избранных людей на общественные должности, наиболее важные статьи городского бюджета, в целом контролировать общественную жизнь города и органов управления⁶.

При этом за влияние на город боролась и губернская администрация, которая стремилась ограничить горную администрацию. Например, губерния обладала правом ревизии городского бюджета⁷. И желание губернской администрации было понятно. Горное положение сохраняло все привилегии городам по Жалованной грамоте, а значит сохранялась и обязанность по финансированию некоторых проектов. Например, ремонт дорог и мостов происходил за счёт общих повинностей со всей губернии [5, с. 130-145].

Ст. 758 ПГП прямо говорит, что Горный начальник обязан предоставить горному городу все права, которые предоставлены им Жалованной грамотой городам⁸. Исключение составили лишь те права, которые были несовместимы со спецификой горного города (например возведение пильных мельниц для продажи леса). Решение о допустимости отдельных видов деятельности, прав, гарантий, обязанностей возлагалось только на Горного начальника, который «заступает место Губернатора по Городовому Положению и наблюдает за выполнением оного». Именно это и обусловило почти безграничную власть Горного начальника над общественной жизнью города. Любое право горожан могло быть ограничено решением Горного начальника [7, с. 17-18].

Показательным является случай, произошедший в 1808 году. Во время выборов городского головы участники общего собрания разделились на две группы. Группа состоятельных купцов проголосовала за одного кандидата — купца-старообрядца Якова Толстикова. Остальная часть городского общества категорически возражала против кандидатуры. Его обвиняли в ряде преступлений, связанных с растратой и хищением бюджета во время предыдущего нахождения на посту городского головы. В результате стороны так и не смогли уладить конфликт. Несмотря на существующий порядок выборов, каждая группа населения выбрала своего кандидата на роль городского головы. Решение данной проблемы теперь оставалось за Горным начальником, который имел право не только разрешать избирательные собрания в городе (данное право он получил по Жалованной грамоте и Учреждению для управлениями губерниями, как губернатор; ст. 758 ПГП), но и уже упоминаемое ранее право утверждать лица, избираемые на городские службы. Несмотря на то, что более многочисленная группа проголосовала за другого кандидата, Горный начальник утвердил Толстикова, даже несмотря на наличие серьёзных обвинений [1, с. 45-46].

Но в некоторых случаях Горный начальник охотно пользовался своим правом. Например, он отказался утверждать в должности избранного купцами среднего порядка бургомистра Ивана Романова, который имел незначительные проблемы с законом [1, с. 46].

Подчинение города двум властям: горной и гражданской — было источником многих проблем в городском управлении. Особенно трудна была участь городских голов, которым приходилось буквально «метаться меж двух огней». Хотя иногда это было и их преимуществом, которое давало им вариативность в действиях.

6 «Проект Горного положения», ПСЗРИ 22.208 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

7 Там же.

8 «Жалованная грамота городам», ПСЗРИ 16.189 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

Городской голова руководил всей деятельностью Городской Думы. Дума собиралась почти ежедневно, за исключением праздничных и воскресных дней, на три-четыре часа в день. Все гласные не могли принимать ежедневно участие в работе, и потому заседания редко проводились при кворуме. Чаще всего Дума заседала в составе городского головы и по одному гласному от купцов, мещан и цеховых.

Решая текущие вопросы, Дума (под влиянием городского головы) в зависимости от обстоятельств апеллировала то к горной, то к гражданской власти, исходя из того, насколько это устраивало её в каждом отдельном случае.

В 1820–1830 гг., когда влияние горного начальства на городские ещё не достигло высокого уровня, Городской Думе при решении отдельных вопросов удавалось проявлять некоторую «самостоятельность». Например, в 1825 году Дума отказалась исполнить предписание Горного начальника об исправлении дорог и мостов на городском выгоне исключительно за счет городских средств. Не согласившись с мнением Горного начальника, она решила, что: «дороги и мосты, ведущие через заводы от одного выгона к другому, нужные для проезду почты, исправляются общими силами губернии или Уезда», а потому горное ведомство должно в равной мере с городом нести все расходы по их исправлению [1, с. 49]. При этом согласно ПГП деньги можно было потребовать и от Губернской администрации. Таким образом, в данном случае Дума приняла решение перейти на сторону Губернского управления и отказаться выполнять распоряжение горной власти.

В том же году при обсуждении вопроса о постройки помещения для полиции Дума не согласилась с предложением Горного начальника о выделении городских средств, мотивируя это тем, что горное ведомство не может стоять в стороне от таких расходов. 20 марта 1835 года на заседании Думы обсуждалось требование Горного начальника о полном возмещении заводской конторе 779 руб., затраченных ею на строительство караульного дома. Дума заявила, что не может и не будет делать это [1, с. 49]. И снова Дума пошла на конфликт с Горным начальником.

Но в марте 1823 года произошёл другой показательный случай. На мещанском собрании Екатеринбурга группа мещан резко выступила против предложений, рекомендованных собранию городским головой — представителем крупного купечества. Городской голова не сумел успокоить недовольных словами и решил прибегнуть к помощи горной полиции. Он просил полицмейстера привлечь «нарушителей тишины и спокойствия» к ответственности [1, с. 46]. Сейчас городской голова решил «шагнуть» в сторону Горного начальника, который контролировал полицию, и воспользоваться горными институтами.

В целом, общие Городские собрания редко бывали спокойным местом обсуждений. На собраниях часто сталкивались интересы разных слоев населения, иногда доходило до открытой борьбы. Основной причиной являлось недовольство мещан и части купечества политикой купеческой верхушки, которой покровительствовали горные власти. Стоит отметить, что наиболее ответственные должности по городскому управлению — городского головы, бургомистров, ратманов, судей словесных и сиротских судов замещались исключительно крупными купцами. Право занятия купечеством важнейших должностей по городским выборам обеспечивало им главную роль в решении дел городского общества. Выборы городского головы, бургомистра и других лиц по городскому управлению, которые избирались из среды купечества, производились на общих собраниях купцов Екатеринбурга. Выборы на должности, замещаемые мещанами, происходили на мещанских собраниях, на все другие — на общих собраниях купцов и мещан города.

Атмосферу накаляло и то, что на собрания часто заходили те, кто не имел права заседать там. Это происходило довольно часто из-за того, что в Екатеринбурге не применялось положение о 50-рублевом доходе, как основании участия в собраниях, а учет лиц, имеющих право на это, не вёлся должным образом, поскольку ответственный за это орган — депутатское собрание, фактически не существовал [1, с. 45]. Это является ещё одной особенностью горного города Екатеринбург.

Большая часть времени заседания Думы уходила на заслушивание различных указов, распоряжений, предписаний и предложений Горного начальника, Губернской администрации, правительственные учреждений. Никаких самостоятельных решений по всем этим официальным бумагам Дума почти не выносила. Хотя это и не говорит и о том, что Дума предпринимала активные действия и ревностно исполняла решение начальства [1, с. 45-50].

Но самое интересное во всей этой ситуации то, что горные люди не теряли привилегии, дарованные Жалованной грамотой. Все служащие (даже отставные) при условии, что они владели двумя и более домами или ремесленным заведением в городе и платили на этом основании налоги, имели право голоса и места в Городском обществе. Мастеровые, рабочие люди, художники при Заводах могли совмещать (не в ущерб горной службе) службу с частными мастерскими, имея при этом возможность нанимать подмастерьев. Упоминается также и обязанность мастеровых и рабочих людей вступить в цехи (если они учреждены в горном городе). Но опять налагалось ограничение, что деятельность лиц не могла осуществляться, если каким бы то ни было образом подрывала интересы Заводов.

Кроме того, горным людям предоставлялись довольно серьёзные налоговые льготы.

С момента появления на Урале должности Главного начальника уральских горных заводов (1826), который фактически замещал Генерал-Губернатора, и переводом Горного Правления из Перми в Екатеринбург (1831) вмешательство горной власти в дела управления Екатеринбургом резко усилилось, теперь влияние горной администрации распространялось даже на мелкие вопросы городской жизни.

В сентябре 1851 по представлению Главного горного начальника Государственным советом было утверждено мнение о подчинении Екатеринбурга исключительной власти горного начальства [4, с. 132-136]. Думается, такое решение было принято вследствие постоянных противоречий между «гражданскими» и «горными» системами управления, которые явно не способствовали интересам страны в преддверии назревавшей Крымской войны. В качестве превентивных мер были предприняты мероприятия по централизации стратегически важных отраслей производства и добычи.

19 ноября 1851 г. это решение было утверждено императорским указом («О подчинении г. Екатеринбурга, по городскому управлению, заведыванию главного начальника горных заводов хребта Уральского» [1, с. 40]. Установленный режим предусматривал полную регламентацию деятельности выборных органов, Горному начальнику принадлежали исключительные права назначения даты избирательных собраний, установления номенклатуры и количества лиц, подлежащих избранию на выборные должности, наблюдения за процедурой выборов, утверждения или не утверждения избранных лиц, вынесения разрешительного «отзыва» на решения Думы. В мае 1852 г. при горном правлении была создана особая комиссия по рассмотрению горных доходов и расходов, утверждая городскую смету и порядок ее использования, фактически определяла всю финансово-бюджетную политику городских властей, что фактически сводило на нет все

полномочия Губернской администрации. В ноябре 1857 г. Главному начальнику горных заводов было предоставлено право в любое время отстранять от должности служащих по городскому управлению, налагать на них дисциплинарные взыскания, увольнять в отпуск и т. п. [4, с. 132-136].

Теперь городское самоуправление потеряло остатки самостоятельности и превратилось в одно из учреждений, выполнявших волю горной администрации. По сути Горный город стал по настоящему горным, где Главный Горный Начальник стал полноправным и неограниченным хозяином. Теперь только он мог решать вопросы связанные с любыми аспектами городской жизни.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что городское самоуправление в г. Екатеринбург существовало в условиях наложения нескольких государственных управленийских систем, дублирующих свои функции: горной и гражданской (губернской).

На протяжении полувека, маленькими постепенными шагами Горная администрация добивалась полного контроля над городом, подавляя местное самоуправление и губернскую администрацию, недовольных дворян, чиновников, крестьян и рабочих. И в этом заключается главная особенность Екатеринбурга как горного города. Не существует нормативного правового акта, который бы мог описать правовое взаимодействие трёх систем управления (горная, губернская, городская). Самое любопытное в том, что ПГП не только не был принят как закон и навсегда остался проектом, но и устарел уже к 1810 году, когда Горные начальники начали жестко вмешиваться в дела Губернии и Городской Думы. Вся система взаимодействия была построена на практике, а не законе, самими участниками почти без привлечения Санкт-Петербурга. И тем не менее, столица империи Санкт-Петербург редко непосредственно вмешивался в горные дела Урала, что свидетельствует о том, что особых проблем с поставками и производительностью не было. Городским головам, Горным начальникам и Пермским Губернаторам удалось наладить продуктивное сотрудничество в условиях неразграниченной компетенции, при неясных полномочиях, отсутствии нормативного контроля и постоянного противодействия одних сил другим.

Библиографический список:

- Горловский М. А. Горный город Екатеринбург, 1807-1863: краткий очерк. - Свердловск: тип. изд-ва «Уральский рабочий», 1948. 151 с.
- Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723-1781 гг.): учеб. пособие. - М: РГБ, 2004. 1 с.
- Горнозаводской устав («Заводской» устав Татищева) // Сборник Русского исторического общества. - Т. 6 (154): К истории горного дела. - М: Русская панорама, 2003. 384 с.
- Екатеринбург: Энциклопедия: 280-летию Екатеринбурга посвящается / Институт истории и археологии УрО РАН. - Екатеринбург: Академкнига, 2002. 728 с.
- Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. - Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 274 с.
- Корнилов Г. Е. Трехсотлетняя демографическая история Екатеринбурга: источники и историография // Парадигмы и модели демографического развития: сб. ст. XII Уральского демографического форума. - Екатеринбург, 2021. - Т. I. - С. 91-99.
- Грамолин А. И., Коридоров Э. А. Екатеринбург - Свердловск - Екатеринбург. История городской власти (1745 — 1919). Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, Новое время, 2003. 281 с.
- Дашкевич Л. А. Воспитательные дома и приюты на Урале в XVIII - первой половине XIX в. (К вопросу о развитии благотворительности в крепостной России) // Уральский сборник: История. Культура. Религия. 3. М.: 1999. С. 103-124.
- Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. -М.: Гудок, 1944. 120 с.
- Корепанов Н. С. Уктус - исток Екатеринбурга: Н. С. Корепанов. - Екатеринбург: Грачев и партнеры, 2012. 38 с.
- Пятницкий А. Н., Будрин В. И., Павловский Б. В. Сто лет горнотехнической школе на Среднем Урале. - Свердловск: Свердлгосиздат, 1948. 247 с.
- Пензин Э. А. Первые иноязычные школы Екатеринбурга // Народное образование на Урале в XVIII — начала XX в.: сборник научных трудов. Свердловск: УрГУ, 1990. С. 13—30.
- Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке: монография. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». 2011. 176 с.

References:

- Gorlovsky M. A. (1948). The mining city Yekaterinburg, 1807-1863: a brief essay. Sverdlovsk: pr. house of publishing house "Ural worker". p. 151
- Korepanov N. S. (2004). In early Yekaterinburg (1723-1781): Textbook. Moscow: RGB. p. 1
- Mining and factory charter («Factory» charter of Tatishchev). (2003). Moscow: Russian panorama. p. 384
- Yekaterinburg: Encyclopedia: dedicated to the 280th anniversary of Yekaterinburg. (2002). Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg: Akademkniga. p. 728
- Korepanov N. S. (2005). The First Century of Yekaterinburg. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. p. 274
- Kornilov G. E. (2021). Tercentenary demographic history of Yekaterinburg: sources and historiography. Paradigms and models of demographic development: Collection of art. XII Ural Demographic Forum. Yekaterinburg. 1. pp. 91-99
- Gramolin A. I., Koridorov E. A. (2003). Yekaterinburg-Sverdlovsk -Yekaterinburg. The history of the city government (1745-1919). Yekaterinburg: Sredne-Uralsky Book Publishing House, New Time. p. 281
- Dashkevich L. A. (1999). Foster homes and orphanages in the Urals in the XVIII-first half of the XIX century. (On the development of charity in serf Russia). Ural collection: History. Culture. Religion. 3. Moscow. pp.103-124
- Nechaev N. V. (1944). Schools at mining plants of the Urals in the first half of the XVIII century. Moscow: Gudok. p. 120
- Korepanov N. S. (2012). Uktus-the source of Yekaterinburg: N. S. Korepanov. Yekaterinburg: Grachev and Partners. p. 38
- Pyatnitsky A. N., Budrin V. I., Pavlovsky B. V. (1948). One hundred years of mining engineering school in the Middle Urals. Sverdlovsk: Sverdlovgosizdat. p. 247
- Penzin E. A. (1990). The first foreign language schools of Yekaterinburg. Folk education in the Urals in the XVIII — early XX centuries: a collection of scientific papers. Sverdlovsk: USU. pp. 13-30
- Chernoukhov E. A. (2011). Social infrastructure of the Nizhny Tagil mining district of the Demidovs in the XIX century: monograph. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. p. 176